

ЭО, 2009 г., № 5

© А.П. Скорик

**КОСТЮМ “СОВЕТСКИХ КАЗАКОВ”
НА ДОНУ В 1930-х годах***

Ключевые слова: блузка, казакин (мундир), казачий костюм, казачья форма, кожух, косынка, кофта, кубанка, лампасы, папаха, платок, синий картуз (фуражка), стеганка, шашка, юбка

Третье десятилетие XX в. представляет собой в хронологическом отношении особый, во многом уникальный исторический этап в судьбе российского казачества. Его начало ознаменовалось развертыванием сплошной форсированной коллективизации, в ходе которой казаки, наряду с крестьянами, подверглись масштабным государственным репрессиям. Во второй же половине десятилетия, с февраля 1936 г., сталинский режим перешел от антиказачьих акций периода коллективизации к признанию поддерживавших советскую власть (или смирившихся с ней) казаков полноправными членами “социалистического общества”. Именно в это время военно-патриотические традиции казачества вновь были востребованы партийно-советским руководством Советского Союза, обеспокоенным агрессивными намерениями нацистской Германии.

Надо признать, что хотя события 1930-х годов сыграли важную роль в судьбе российского казачества (в частности в жизни казачьих сообществ Дона), в региональной историографии они исследованы далеко не столь детально и подробно, как хронологически предшествующие и последующие исторические периоды. В определенной мере как антиказачьи акции времен коллективизации, так и процесс нормализации отношений между казачеством и советской властью во второй половине 1930-х годов все же получили отражение в историографии. В частности, можно указать работы Г.Л. Воскобойникова и Д.К. Прилепского (*Воскобойников, Прилепский* 1986: 118–133), А.П. Скорика (*Скорик* 2008), а также ряд коллективных трудов (*Поташев и др.* 1970: 99–101; *Барчугов* 1973: 271; *Козлов* 1986: 111; *Скорик и др.* 1995: 123; *Водолацкий и др.* 2005: 149; *Волков* 1998: 321–322). Однако целый ряд аспектов данной темы требует дальнейшего углубленного изучения. Так, остается недостаточно исследованным вопрос о культуре и повседневной жизни казаков (в том числе донских) во второй половине 1930-х годов, когда наблюдался своеобразный ренессанс казачьих сообществ Советской России.

Культура советских казаков Дона предстает в социальной истории как явление чрезвычайно емкое и многогранное, требующее обстоятельного исторического повествования. В рамках одной, даже развернутой, статьи, не представляется возможным детально рассмотреть все многообразие казачьей культуры на Дону в 1930-х годах, всю сложность процессов ее становления, развития, трансформаций и преобразований. В связи с этим мы предметно ограничимся лишь освещением процессов создания костюма советских казаков и казачек, ярко отражающих особенности культурного строительства на Дону в границах третьего десятилетия XX в.

Забегая вперед, отметим, что костюм советских казаков 1930-х годов сохранял преемственность с костюмом досоветского образца, поэтому в целях сравнения необходимо вкратце обрисовать, как выглядел донской казак начала XX в. Донской казачий костюм, сложившийся к началу XX в. в процессе длительной эволюции, отличался значительным своеобразием и выделял его владельцев не только среди иногородних

Александр Павлович Скорик – доктор философских наук, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой теории государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасский политехнический институт); e-mail: s_a_p@mail.ru

крестьян и горожан, но и среди представителей кубанского и терского казачьих сообществ. Костюм не только свидетельствовал о сословной принадлежности донца, но и представлял собой зримое доказательство того очевидного факта, что культура и быт Войска Донского формировались путем непрерывного взаимодействия с самыми разными этносами России.

Войско Донское, так же, как и другие казачьи войска Российской империи (Астраханское, Кубанское, Оренбургское, Терское и др.), представляло собой сообщество воинов-земледельцев и имело свою особую форму. Донцы, как и все вообще казаки, носили форму не только на службе, но и вне ее. Военный костюм (или хотя бы отдельные его элементы) являлся, таким образом, и служебной, и повседневной одеждой казаков.

В начале XX в. комплект обмундирования донского казака включал в себя мундир, гимнастерку, шаровары, сапоги, фуражку; в осенне-зимний период к этому добавлялись шинель, папаха, башлык. Казачий мундир, темно-синий с красной окантовкой на рукавах и стоячем воротнике, был несколько приталенным и довольно длинным, едва ли не до колен. В такой же цветовой гамме были выдержаны и шаровары – темно-синие с красными лампасами, заправлявшиеся в черные сапоги. Парадная фуражка имела синий верх, красный околыш, черный козырек; казаки носили ее сдвинув на правую сторону (почти на ухо) и выпустив слева свой знаменитый чуб.

Обрисованный выше костюм был парадным, а на полях сражений в начале XX в. донцы носили несколько иную форму, так как жестокие бои времен Русско-японской и Первой мировой войн доказали, что яркие цвета обмундирования на поле боя демаскируют бойца и превращают его в прекрасную мишень для противника. В боевых условиях донские казаки носили защитного цвета гимнастерку, т. е. рубаху со стоячим воротником, надевавшуюся через голову (название этой детали одежды происходит от слова “гимнастика”: дело в том, что рядовые российской армии занимались физическими упражнениями в таких рубахах). Сверху надевали серого цвета шинель с красными обшлагами, на голову – фуражку (опять-таки защитного цвета) или серую же папаху; нередко зимний костюм дополнялся башлыком – своего рода островерхим капюшоном. Обязательной деталью мундира, гимнастерки и шинели были погоны, крепившиеся на плечах казака; на них наносился номер полка (*Новак, Фрадкина 1985: 51; Водолацкий и др. 2005: 270–272*).

Судя по дошедшим до нас фотографиям, рисункам и картинам, в мирной обстановке у донцов были более популярны детали парадного костюма, особенно фуражка и шаровары, выдержанные, как уже отмечалось, в красно-синих тонах. Шаровары заправлялись либо в сапоги, как на службе, либо в доходявшие почти до середины голени носки (как правило, белого цвета). С носками носили поршни (легкие кожаные тапочки в виде лаптя, собранные вокруг щиколотки сыромятным ремешком), изготавливаемые, как правило, из одного куска кожи или сшитые из двух кусков – подошвы и верха, или чирики – своего рода остроносые кожаные туфли без каблуков, закрывающие ногу не выше щиколотки. Летом этот костюм дополнялся рубахой, а в зимнее время – тулупом или полушубком, а также папачой, треухом или малахаем. Малахай – это большая меховая шапка с четырьмя отворотами, из которых один предназначался для прикрытия затылка вплоть до плеч, два других закрывали уши и щеки, а четвертый, наиболее короткий, усиливал защиту лба от холода. В русском языке также прижилось название шапка-ушанка, или просто ушанка, по наименованию двух боковых длинных отворотов – ушей. Название “малахай” в большей мере отражает именно внешний вид привнесенного с Востока (монгольского) мужского головного убора из нестриженной шерсти (меха). Название “треух” подчеркивает наличие трех “ушей”-отворотов. Основное различие треуха и малахая в том, что малахай имел двусторонний мех, или, как было принято говорить, подбивался мехом, а также у него четче фиксировалась разновеликая длина отворотов.

Что касается костюма донских казачек, то, как отмечают Л.А. Новак и Н.Г. Фрадкина, “к началу XX века преобладающим на Дону стал комплект женской одежды с

юбкой и кофтой”. Казачки носили широкие и длинные юбки с большим количеством сборок (собранных по верхнему краю и сшитых вместе складок). Кофты, или блузки, были самых разных фасонов: легкие, свободные либо плотно облегавшие фигуру, с небольшим стоячим воротником и широкими, но постепенно сужавшимися к кистям рукавами (*Новак, Фрадкина* 1985: 62–63). Зимой этот наряд дополнялся теплым платком и тулупом или полушубком.

Именно в таких костюмах мы видим донских казаков и казачек на фотографиях начала XX в. Так, казак станицы Аксайской П.А. Камышовский был сфотографирован облаченным в шинель и фуражку, перепопояанным поясом с привешенной шашкой, а группа казаков неизвестной станицы – в парадных мундирах и фуражках, лихо сдвинутых набекрень. С другой фотографии на нас смотрит казак в гимнастерке, шароварах, сапогах и папахе, сжимающий в руке шашку, рядом – его жена и маленькая дочь (любопытно, что на жене типично городское платье). В 1916 г. фотограф запечатлел три супружеские пары из станицы Казанской: мужчины в фуражках, гимнастерках, шароварах и сапогах, а их жены в кофтах и юбках, у одной на плечах шаль. Тем же годом датирована фотография донца И. Каргальскова, костюм которого состоит из гимнастерки, шаровар, полевой фуражки и сапог. Точно так же одета колонна донских казаков, сфотографированных летом 1917 г. в момент вступления в город Лык в Восточной Пруссии (*Казачий Дон* 2007: 77, 79, 93, 95, 120, 121).

Казаки, глядящие на нас с этих фотографий, не знали, что впереди их ждет самоубийственная Гражданская война с ее ожесточенными сражениями, красным и белым террором, расказачиванием. Немало донцов, кубанцев и терцев погибли в ходе жестокого гражданского противостояния 1917–1922 годов. Вместе с тем, несмотря на военные потери и эмиграцию, в 1920-х годах численность казаков на юге России оставалась достаточно высокой. По данным переписи населения 1926 г., в Северо-Кавказском крае (куда входили Дон, Кубань и Ставрополье) насчитывалось свыше 2,1 млн казаков, или 32% всего сельского населения края. На территориях Дона среди сельского населения Шахтинско-Донецкого округа казаки составляли 46,9%, Донского – 37,4%, Донецкого – 34,3% (*Осколков* 1973: 48).

Однако по сравнению с досоветскими временами положение казаков в 1920-х годах (и особенно в первой половине 1930-х годов) существенно изменилось. Большевики испытывали сильнейшее недоверие к представителям казачьих сообществ, поскольку те в большинстве своем сражались во время Гражданской войны на стороне белых. На местах это недоверие перерастало в прямую враждебность, которую к казакам испытывали иногородние. В этих условиях реакцию отторжения вызывал даже обычный казачий костюм.

Формально не существовало никаких нормативно-правовых и подзаконных актов (декретов, правительственных постановлений и т.п.), запрещавших казакам носить свою военную форму, которая в мирное время использовалась ими как повседневная и парадная (выходная) одежда. Более того, в августе 1925 г. Северо-Кавказский крайисполком в своем циркуляре всем окружным и областным исполкомам об учете особенностей казачьего быта довольно внятно рекомендовал: “Казак может оставаться и называться казаком со всеми своими привычками, носить ту или иную одежду, то или иное холодное оружие” (*Барчугов* 1962: 421–422). В ноябре того же года первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) А.И. Микоян заявлял: “Нигде в нашей программе не написано, что нельзя носить лампасы и что кубанка означает контрреволюцию, а английский кепи – революцию” (Там же: 440–441). Показательно, что казаки восторженно откликнулись на эти декларации: так, один из кубанцев заверял власть осенью 1925 г., что кубанское казачество готово “принести свою службу Рабоче-крестьянскому правительству, на том лихом коне и [в] лихой для него форме” (РГАЭ: 98).

Однако при всех высказываемых благих пожеланиях неоспоримым фактом было преобладающее отрицательное отношение к любым проявлениям казачьей самобытно-

сти со стороны бывших иногородних. Именно выдвиненцы из этой социальной группы составляли после Гражданской войны подавляющее большинство представителей местного руководства на Дону. В особенности враждебность иногородних к казакам обострилась в период проведения коллективизации. Уже в апреле 1930 г. в краевой газете Северо-Кавказского края “Молот” была помещена публикация, в которой признавалось, что местные чиновники-радикалы “расценивают все казачество, сплошь, как враждебную социализму силу” (Цалюк 1930). В феврале 1931 г. ответственный инструктор ЦК ВКП(б) О. Галустян, ознакомившись с положением на юге России, констатировал игнорирование казаков местными администраторами, “огульное подведение их под категорию контр-революционеров”, и добавлял: “в ряде мест [колхозники-иногородние] отказывались принимать в колхоз единоличников только из-за того, что они – казаки” (ЦДНИРО 1: 23, 23а).

В итоге в отношении самих казаков к своему костюму в 1920-х – первой половине 1930-х годов наблюдались две прямо противоположные тенденции. С одной стороны, многие представители казачьих сообществ “стыдились, не признавались, что [они] казаки” (Казачество 1936: 22) и вынужденно отказывались от повседневного и праздничного ношения своего традиционного костюма, который мог подействовать на советско-партийных чиновников как красная тряпка на быка. Нередко детали казачьего обмундирования перешивались его владельцами в безобидные пиджаки и френчи (Горюнов 1925: 16; Шершевский 1936) или же попросту уничтожались. Когда в конце 1920-х годов режиссер Я.М. Блюх решил снять фильм о боях и победах Первой конной армии в период Гражданской войны, то, как вспоминал оператор Сергей Лебедев, оказалось, что “надежда пополнить запасы амуниции за счет донских станиц не оправдалась. Старую одежду давно выкинули, сожгли...” (Немиров 1987: 103). Многие казаки предпочитали носить ничем не примечательную одежду, типичную для советской доколхозной и коллективизированной деревни: стеганки (куртки с прошитой прокладкой из нескольких слоев ткани, между которыми укладывался утеплитель из ваты и других материалов), кепки, штаны или ватные брюки, сапоги. В частности, участники производственного совещания в колхозе “Труд и советы” Тарасовского р-на Северо-Кавказского края были запечатлены фотографом осенью 1931 г. в стеганках, кожных (длиннополое пальто с большим отворачиваемым воротником из овечьих шкур с нестриженной и направленной вовнутрь костюма шерстью), треухах, кепках или красноармейских фуражках. Лишь на одном была деталь казачьего костюма, да и то не донского – невысокая барашковая шапка с матерчатым верхом (“кубанка”) (Коллективист 1931б: 11).

С другой стороны, в 1920–1930-х годах немало казаков юга России (в том числе и донцов) продолжали, вопреки всем сложностям и опасностям, носить свои традиционные одеяния. Так, на сохранившихся фотографиях первой половины 1930-х годов мы видим донских казаков-колхозников (как правило, зрелого возраста или пожилых) в типичных фуражках и штанах с лампасами (Коллективист 1931а: 31; Софронов и др. 1989: 118). Один из советских журналистов подметил любопытное сочетание старого и нового костюмов в донских казачьих станицах конца 1920-х – начала 1930-х годов: “На улицах [станции Кургинской] рядом с пожилыми казаками, в штанах с лампасами, с крестами на груди, выряженными в духе старого тихого Дона, попадаются казачки-делегатки, в красных платках, девушки, в подавляющем большинстве стриженные, хлеборобы в тулупах и буденовках на головах” (Кофанов 1930: 34).

Отчасти верность традиционному казачьему костюму представляла со стороны донцов осознанный выбор, нежелание изменять традициям. Отнюдь не случайно, что и на фотографиях, и в вышеприведенном описании в качестве приверженцев традиционного костюма фигурируют именно казаки старших возрастов. Один из районных партработников Донского округа Северо-Кавказского края, П. Горюнов, еще в 1925 г. справедливо заметил, что “роль стариков и хранимых ими традиций в станице до сих

пор велика” (*Горюнов* 1925: 16). Вместе с тем такой своеобразный гардеробный консерватизм объяснялся и вполне практическими обстоятельствами, а именно крайне неудовлетворительным снабжением советской деревни (и в частности донских казачьих станиц) промышленными товарами. По данным Е.А. Осокиной, в 1931–1935 годах уровень снабжения сельского населения СССР товарами широкого потребления был намного ниже, чем городского. Снабжение крестьян (в среднем в год на одного человека) уступало горожанам по швейным изделиям в 3–6 раз, по кожаной обуви в 2,5–5 раз, по шерстяным тканям в 1,2–8 раз, по трикотажу и табачным изделиям в 5–12 раз. Только по товарам преимущественно сельского спроса (хлопчатобумажные ткани, платки, махорка) сельское снабжение равнялось городскому (*Осокина* 1993: 48–49).

Уже в конце 1920-х годов сельские жители юга России подводили первые итоги сталинского “большого скачка”: “Об обуви, о коже на сапоги мы перестали и думать... Так же обстоит дело и с одеждой. Донашиваем старое” (*Сидоров* 1994: 201). В первой половине 1930-х годов представители власти на юге России (в том числе и руководители типично казачьего Вешенского р-на) неоднократно признавали, что в сельских лавках потребкооперации нет никаких товаров, “кроме спичек”, и колхозники ощущают “острую нужду в обуви и мануфактуре” (ГАРО: 28), “недостает нужных товаров, в частности... телогреек, обуви” (ЦДНИРО 3: 24). Трудности с приобретением одежды и обуви, естественно, способствовали устойчивости традиционного костюма сельских жителей юга России, в том числе и казаков. Поскольку легкая промышленность в очень слабой степени обеспечивала села и казачьи станицы своей продукцией, их жители либо “донашивали старое”, либо сами производили одежду, разумеется, в традиционном стиле.

Ситуация изменилась только в ходе кампании “за советское казачество”, развернутой властями СССР с февраля 1936 г. В это время в рамках общегосударственного курса на нормализацию отношений с казачьими сообществами и активное привлечение их к “социалистическому строительству” казакам было предоставлено право на возрождение и пропагандирование своих самобытных культурных традиций. В том числе они могли беспрепятственно носить традиционную форму, служившую одновременно и повседневной одеждой.

Более того – в период этой кампании представители власти настойчиво рекомендовали казакам облачаться в форму. Например, 3 марта 1936 г. первый секретарь Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) Б.П. Шеболдаев и председатель крайисполкома В.Ф. Ларин принимали делегацию “донских колхозных казаков-животноводов”, участников съезда передовиков колхозного животноводства (проходил в Москве в феврале того же года), награжденных орденом Ленина. Один из членов делегации, казак Ф.Т. Токмачев, поведал краевым руководителям, как он после своего выступления на съезде общался с “первым маршалом” К.Е. Ворошиловым и с самим И.В. Сталиным: «После своей речи я пожал руки товарищам Сталину, Ворошилову и другим членам президиума. Товарищи Сталин и Ворошилов говорили мне: “Многие делегаты приехали по форме одетые, а почему же донские казаки без формы?” Я отвечаю: “В 1936 году увидите нас в казачьей форме”». В ответ на это Шеболдаев важно указал: “Надо, чтобы у всех донцов форма была – и у казаков, и у иногородних” (Прием донских 1936).

Здесь нужно подчеркнуть, что во второй половине 1930-х годов представители советско-партийных органов выступали, по существу, за “оказачивание” населения юга России, а не за восстановление казачества как особой общности. Тем самым большевики намеревались не допустить реанимации сословной замкнутости казачества и одновременно распространить на всех жителей Дона, Кубани, Ставрополя, Терека казачьи навыки и традиции, полезные для укрепления и развития колхозного строя и оборонной мощи советского государства.

Если говорить только о казачьем костюме, то “оказачивание” выразилось в стремлении предоставить право его ношения не только собственно казакам, но и вообще

всему населению юга России. Об этом свидетельствует процитированное изречение Б.П. Шеболдаева. О том же писал в конце марта 1936 г. И.В. Сталину и К.Е. Ворошилову инспектор кавалерии РККА С.М. Буденный, предлагая “казаками считать поголовно все население Азово-Черноморского и Северо-Кавказского краев, в том числе и бывшее Ставрополье, за исключением, разумеется, горских народностей” и “в связи с тягой, в особенности среди молодежи, к ношению форменной казачьей одежды, предоставить право ношения ее всему населению указанных краев” (*Мошков и др.* 2002: 728–729).

Идеи “оказачивания” в определенной степени были воплощены в жизнь: по крайней мере, некоторые бывшие “иногородние” действительно надели казачью форму. Так, на 18 июня 1936 г. в Ростове-на-Дону были намечены краевые конно-спортивные состязания, и уже в мае к городу стали подтягиваться отряды участников-казаков из разных районов Азово-Черноморского края. Во второй половине мая в отряде северодонских казаков, прибывшем в Новочеркасск, были и вчерашние “иногородние”, некоторые – даже из числа немецких колонистов. Как сообщали журналисты, «в полной казачьей форме прибыли [в Новочеркасск] Петер Богер и Фридрих Копф, колхозники немецких артелей “Сталифельд” (Волошинский р-н) и “Ленинфельд” (Мальчевский р-н)» (Вышеград 1936).

В определенной мере процесс возрождения традиционного казачьего костюма в ходе кампании “за советское казачество” затруднялся тем, что на протяжении предшествующих лет многие казаки избавились от своих специфических одеяний, советская же промышленность не могла в кратчайшие сроки обеспечить резко возросший спрос населения на казачьи папахи, мундиры, фуражки, штаны и пр. К тому же, по заверениям властей, легкой промышленности нанесли серьезный ущерб вездесущие и почти всемогущие “кулаки”, которые якобы во время коллективизации подорвали поголовье овец и коз (хотя очевидно, что сокращение скотопоголовья стало как раз следствием ускоренного “колхозного строительства”, проводившегося зачастую насильственными методами). В частности, первый секретарь Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) Е.Г. Евдокимов, в подчинении которого находилось терское казачье сообщество, сокрушался в марте 1936 г., что казаки “с удовольствием оделись бы в черкески, но пока этой возможности нет. Почему не можем? Просто не хватает такого сукна, нам навредили кулаки, а мы пока не восстановили это дело” (ГАНИСК: 56–57).

То же самое можно было сказать и о кубанских, и о донских казаках. Не случайно кубанские казаки, возвращаясь в родные станицы с межкраевой встречи казачества в Ростове-на-Дону в середине марта 1936 г., закупили в городе на 4,5 тыс. руб. различных тканей и сделали ряд заявок “на красное сукно, вельветон или молескин для башлыков, сатин, полубархат, материал красного цвета на бешметы и темно-синюю диагональ на брюки”. Наряду с кубанцами помощник командира донской сотни Каплиев просил торговые организации Ростова “ускорить завоз товаров, необходимых для пошивки казачьей формы, – шаровар, мундиров, фуражек и лампасов” (*Гладков, Курриянов* 1936). Члены Северо-Донского окружкома ВКП(б) Азово-Черноморского края на своем заседании 21 марта 1936 г., помимо прочего, решили поручить торговым организациям округа завезти синие, красные, черные ткани “в первую очередь в казачьи районы на изготовление казачьей формы и пошивку фуражек”; обязать местные кооперативы “изготовить достаточное количество казачьих фуражек для широкого сбыта их населению”; “обеспечить в районах работу пошивочных мастерских из давальческого материала для пошивки мундиров, сюртуков, гимнастерок и брюк с лампасами”; “обеспечить введение в ассортимент товаров торгующих организаций и продажу населению фуражек и готового платья казачьей формы” (ЦДНИРО 4: 105об).

Во время кампании “за советское казачество” донские казаки (так же, как кубанцы или терцы) выходили из положения, используя сохранившиеся старые костюмы или срочно изготавливая предметы своего традиционного обмундирования. На упомяну-

той выше встрече Б.П. Шеболдаева и В.Ф. Ларина с донскими казаками произошел показательный случай. Когда Ф.Т. Токмачев рассказал, как он обещал И.В. Сталину и К.Е. Ворошилову надеть традиционную казачью форму, Б.П. Шеболдаев спросил его: “А форма есть?” – “Не видно было, – смеется Токмачев, – но теперь появилась. Вон Бабкин сидит в штанах с красными лампасами” (Прием донских 1936) (М.Т. Бабкин – один из донцов, участвовавших в съезде животноводов и награжденных орденом Ленина. – А.С.).

Секретарь Северо-Донского окружкома ВКП(б) В.М. Лукин в письме к Б.П. Шеболдаеву в феврале 1936 г. отмечал, что уже в первые дни кампании “за советское казачество” казаки северных районов Дона стали появляться на торжествах в традиционной казачьей форме: «Интересно следующее – на районные собрания подавляющее большинство казаков, не говоря уже о всадниках, явились в казачьей форме, причем многие были совершенно в новой форме, другие за ночь попришивали лампасы, достали где-то фуражки с красным околышем, не исключая и стариков. Нечего говорить, это, в свою очередь, создало различные толки и разговоры среди населения вроде того что “теперь поглядели на настоящих казаков, которых не видели с революции”» (ЦДНИРО 2: 59).

О том, с какими трудами и в какой спешке проходило обмундирование казаков зимой–весной 1936 г., вспоминал донской казак-колхозник И.К. Меркулов из Нижне-Чирского р-на Сталинградского края (туда в советский период отошли северные районы бывшей Области Войска Донского). По словам Меркулова, в апреле 1936 г. в районе было принято решение создать сотню “ворошиловских кавалеристов” (участники добровольных конно-спортивных кружков), а его назначить сотенным командиром. Сотня должна была выступить в Сталинград для участия в первомайских торжествах. Оказалось, однако, что у предполагаемого командира, не говоря уже о рядовых кавалеристах, нет формы. Тогда старый казак из того же колхоза, дед Игнат, принес ему «старые, пропахшие нафталином, широкие шаровары, с ярко-красными лампасами на голубом сукне: “Еще в японскую войну надевал. Уж не думал, что они свет увидят”». Портной Иван Бахарев обещал найти самое сложное – фуражку: “У меня на подложке старая фуражка есть, так мы ее махом перелицуем” (Шевченко 1936: 83).

И вот новоявленный сотенный командир облачился в шаровары, нацепил шашку, но... с фуражкой вышла заминка: «Я волновался: надо было почистить коней и сбрую, захватить овса, а главное у меня не было еще фуражки. Пора уже выезжать, но я все еще мыкался по конюшне в клетчатой кепке, хотя на ногах уже болтались шаровары с пунцовыми лампасами и блестели начищенные сапоги. Казаки посмеивались: “Какой же ты казак, Климаньч, да еще командир, коли на парад не по форме одет”. Наконец, портной принес-таки фуражку: “Всю ночь шил. Все-таки сделал”». Любопытно, что далее в рассказе упомянута деталь, свидетельствующая, насколько молодежь забыла старые казачьи традиции. Когда сотня “ворошиловских кавалеристов” строилась и подгоняла обмундирование, дед Игнат помогал молодому казаку-колхознику Андрею приладить шашку, ворча при этом: “Эх ты, казак, а шашку задом наперед надел” (Там же: 84–85). Дело в том, что шашка, в отличие от сабли, крепилась к поясу выгнутой стороной, что было несколько необычно. Андрей, видимо, приладил шашку на манер сабли, что в прежние времена вызвало бы, как минимум, безжалостные насмешки опытных казаков.

Как бы то ни было, именно в ходе кампании “за советское казачество” в станицах и на хуторах юга России, по отзывам современников, “вновь стали модны традиционные лампасы и чубы”, в то время как “год назад казак словно стыдился того, что его родина тихий Дон” (Там же: 81–82). Казачий костюм постепенно завоевывал признание. Вот как весной 1936 г. журналисты описывали облик донских казаков, “ворошиловских кавалеристов” станицы Ляпичевской Калачевского р-на Сталинградского края: “Командир взвода Аверьян Ляпичев в коротком, зеленого цвета буденновском

полушубке, в черной папахе, синих, с широкими лампасами шароварах, спущенных на высокие сапоги, важно прошелся по рядам [лоз], придерживая рукоятку казачьей шашки". Казаки же его сотни, выстроенной перед началом учебной рубки лозы, "были в парадной форме. Их фигуры плотно обтягивали синие мундиры, а в сапоги заправлены шаровары с лампасами. Из-под картузов с красными околышами высматривали лихо накрученные чубы. Блестела на солнце оправа шашек" (*Шубин* 1936: 105–106).

Почти так же выглядели казаки из Северо-Донского округа Азово-Черноморского края, прибывшие в марте 1936 г. в Москву на просмотр оперы "Тихий Дон" в Большом театре: «На них – синие суконные, до колен, "сюртуки" или короткие ватные "мундиры", синие суконные шаровары с широкими красными лампасами и напуском, синие картузы с красным околышем и красным кантом. Из-под лихо надетых картузов выбиваются чубы. На картузах – пятиконечные красные звездочки» (Казачество 1936: 49–50). Позднее донские казаки тоже носили те или иные элементы своего традиционного костюма, особенно фуражки или штаны с лампасами. На фотографиях второй половины 1930-х годов мы видим казаков в фуражках (хотя нередко они носили и кепки) (Колхозница 1937г: 3, 13, 15; Колхозница 1937д: 12). Так, в казачьих фуражках были запечатлены фотографами в 1937 г. председатель колхоза "Донской скакун" Тарасовского р-на Ростовской обл. И.Е. Хромушин и бригадир того же колхоза И.Е. Бесполуднев (Колхозный путь 1937: 26, 35).

Одним из вполне ожидаемых результатов кампании "за советское казачество" стало устранение всяческих ограничений службы казаков в Рабоче-Крестьянской Красной армии, предусмотренное в специальном постановлении ЦИК СССР от 20 апреля 1936 г. (Собрание законов 1936: 237). В рамках реализации данного постановления к началу мая 1936 г. была утверждена новая форма казачьих кавалерийских формирований (*Агафонов* 2002: 295), которая по сложившейся традиции одновременно стала и парадно-выходной одеждой казаков-колхозников.

Как и в досоветские времена, форма донских казаков-кавалеристов в составе РККА делилась на полевую и парадную и включала в себя традиционные элементы. Согласно уставу, комплект полевой, повседневной формы донцов состоял из "папахи, фуражки или пилотки, шинели, серого башлыка, бешмета цвета хаки, темно-синих шаровар с красными лампасами, общеармейских сапог, общекавалерийского снаряжения" (Новая форма 1936). Как видим, цветовая гамма полевой формы почти не выходила за рамки зеленого и серого цветов – неброских и потому повышающих шансы бойца на выживание в условиях современной войны. Напротив, парадная форма донских казаков, как и ранее, была выдержана в красно-синих тонах.

Парадным головным убором донцов была фуражка, основу которой составлял облегающий голову широкий обод (околыш), покрытый сверху сукном красного цвета (в старину для этого использовали исключительно красный бархат). Верхняя часть фуражки – тулья – имела характерную форму круглого блина (превышающего в диаметре околыш), поставленного на обшитый сукном изогнутый каркас под небольшим острым углом по отношению к околышу. Тулья несколько возвышалась спереди и снижалась сзади до верхнего уровня околыша, имела темно-синий цвет (во время Первой мировой войны фуражки стали делать защитного серовато-зеленого цвета хаки), а по круглому верхнему краю отделялась по стыковому с каркасом шву тонким красным кантом. Плотный серповидный козырек черного цвета крепился под небольшим наклоном вниз непосредственно к околышу спереди. Фуражку донцы обычно носили сильно сдвинутой козырьком и тульей в правую сторону, а слева из-под козырька выпускали традиционный шикарный казачий чуб.

В зимнее время фуражка заменялась в утвержденной форме кавалерийских казачьих частей для донцов на мягкую теплую папаху цилиндрической формы в виде подбитого тканью кожаного обода с вывернутым наружу мехом. Эту довольно высокую косматую мужскую шапку изготавливали исключительно из нестриженной овчины

(хотя в старину донские казаки предпочитали все же мех соболя или куницы) и увенчивали суконным верхом (красным шлыком). У донских казаков преобладал черный цвет папах, а серые, как правило, носили старшие офицеры (кстати, это традиционный казачий цвет для папах у донцов). Однако в реальности все зависело от работы конкретных армейских снабженцев: вполне могли встретиться папахи и иных цветов, например рыжие. Тут уж, как говорится, “каков пострел, да как успел”.

Форменный головной убор донцов увенчивался металлической кокардой. Вместо традиционного вытянутого вверх и выпуклого казачьего овала с круговыми овальными линиями в центре и остроконечными узкими лепестками по краям теперь использовались слегка выпуклые пятиконечные красные звездочки с серпом и молотом посередине. Как и прежде, кокарда крепилась спереди по центру фуражки или папахи. В непогоду донские казаки, как и в досоветские времена, непременно накидывали поверх головного убора башлык – особой остроконечной формы капюшон с длинными концами традиционного защитного цвета.

В состав новой кавалерийской формы донцов входил также казакин – дореволюционный мундир, или “сюртук” из процитированного выше описания посещения казаками Москвы: короткое мужское верхнее платье в виде полукафтана с глубоким запахом, со стоячим воротником и длинными рукавами. Казакин традиционно застегивался на крючки, шился в талию из ткани защитного цвета, но имел сзади сборки, что позволяло казаку выправить переднюю сторону платья. Однако в реальных условиях 1930-х годов казакин вполне мог быть заменен у донцов и обычной гимнастеркой.

В качестве штанов донские казаки вновь использовали широкие, сужающиеся к голени шаровары, заправляемые в голенища сапог и несколько наплывающие сверху на них при ношении. Шаровары изготавливали исключительно из синего сукна и нашивали вдоль боковых наружных швов лампасы – широкие полосы (ленты) красного цвета, подчеркивавшие принадлежность воина к донскому казачеству. Шаровары с красными лампасами были для донцов, пожалуй, главным элементом советской кавалерийской формы. На ноги кавалеристы-донцы надевали высокие, охватывающие голени черные кожаные сапоги, которые завершали достаточно эклектичный армейский костюм донских казаков, причудливо сочетающий и традиционные казачьи, и советские элементы.

По существу, описанный донской казачий костюм не имеет больших отличий от образцов начала XX в. кроме того, что в 1920–1930-х годах казачья форма лишилась погон, а на фуражках появились красные звездочки. В вышеприведенном описании донцов, прибывших в Москву, вряд ли случаен акцент на красный цвет и традиционный советский символ – пятиконечную красную звездочку. Смысловой подтекст здесь прочитывается вполне ясно: донские казаки – приверженцы советской власти.

Необходимо подчеркнуть, что далеко не все казаки Дона выражали желание восстанавливать в новых исторических условиях традиционную казачью форму без каких-либо изменений. В частности, 45-летний казак-колхозник сельхозартели имени С.М. Буденного Мигулинского р-на Азово-Черноморского края г. Лутченко предлагал в апреле 1936 г.: “Старая форма у нас, донских казаков, не совсем подходит теперь. Во-первых, она очень неудобная, второе, это то, что она уж очень несовременна. Нам нужно было бы от старой формы оставить одни красные лампасы да фуражки, остальное сделать такое же обмундирование, которое носят в армии сейчас кавалерийские части” (*Мошков и др.* 2002: 754). Особенно активно выдвигали предложения модернизировать казачью форму молодые казаки. Они стремились следовать складывавшейся тогда моде и зачастую предлагали создавать новые образцы обмундирования: “Нам нужна форма такая, которая бы казака красноармейца облагораживала бы и вместе с тем выделяла от других частей РККА. Старая форма для молодежи советского казачества не подойдет” (Там же).

Более того, ряд видных по тем временам выходцев из казачества вообще не придавали большого значения традиционной казачьей форме или скептически относились к ней как к некоему пережитку “реакционного прошлого”. Так, заведующий животноводством сельхозартели “Знамя колхозника” Мигулинского р-на Азово-Черноморского края Ф.М. Ссылков во время выборов в Верховный Совет СССР в конце 1937 г. (куда он был выдвинут кандидатом в депутаты от Миллеровского избирательного округа) позировал фотографам в армейской гимнастерке с орденом Ленина на груди (Колхозница 1937е: 5; Колхозница 1937ж: 9). Вряд ли это было случайностью, учитывая несколько отстраненное отношение Ф.М. Ссылкова к своему казачьему происхождению, о чем свидетельствовало его позиционирующее высказывание на съезде передовиков животноводства в Москве в феврале 1936 г.: “Я *бывший* (курсив мой. – А.С.) казак, да и сейчас числюсь донским казаком”. Примечательно, что в той же речи он, тем не менее, решительно ручался самому И.В. Сталину: “Если какое-нибудь свиное рыло попытается лезть своим носом в наш советский огород, то все мы своей казачьей рукой, казачьей шашкой, на казачьем донском коне отсекем ему нос и заодно и голову прочь” (Казачество 1936: 55, 57).

Несколько прохладное отношение к процессам популяризации казачьего костюма выказывала и прекрасная половина донского казачества. Немало молодых казачек входили в состав комсомольских организаций и стремились носить типично “комсомольские наряды” – красные косынки, белые блузки и т. п. Кроме того, одежда казачек Дона, практичная и удобная в сельских условиях, была, конечно, менее модной и яркой, чем наряды горожанок, что давало последним повод насмеяться над сельскими женщинами и девушками. Не удивительно поэтому, что многие казачки, и особенно девушки, стремились следовать за городской модой.

Во время развертывания кампании “за советское казачество” в одном из номеров газеты “Молот” была помещена статья о донской казачке Вере Куркиной, колхознице сельхозартели “Донской скакун” Тарасовского р-на Азово-Черноморского края, где зародилось движение “ворошиловских кавалеристов”. На фотографии Вера, которой в 1936 г. исполнялось 20 лет, была запечатлена в кубанке, над обрезом фотографии виден ворот тужурки или стеганки. В статье при этом отмечалось, что Вера “не менее других молодых казачек любит наряжаться. Она давно уже мечтает о красивой шляпке с цветочками. И хотя на хуторе среди девушек не принято еще носить шляпок, Вера твердо решила одеваться так, как одеваются городские комсомолки” (Данишевский 1936).

Однако устойчивость казачьих традиций и ограниченность снабжения деревни промышленными товарами давали о себе знать, затрудняя процесс осовременивания костюма донских казачек. Так, политотдел Вешенской МТС Азово-Черноморского края сообщал в 1934 г., что “имелось большое желание колхозниц ввести красные косынки для ударниц. Но нигде не смогли достать красной материи” (ЦДНИРО 3: 21). В итоге традиционный, хотя и несколько упрощенный женский костюм оставался преобладающим в казачьих станицах (не исключая частных случаев существования городских нарядов). По сравнению с мужским костюмом в 1930-е годы одежда донских казачек-колхозниц выглядела скромнее. Повседневной, да и парадной одеждой казачек летом служили рубаха или блузка с отложным воротником (поверх которой иногда надевали кофточку), юбка или платье – однотонные либо разноцветные. Последнее в большей мере зависело не столько от эстетических вкусов казачек-колхозниц, сколько от их материальных возможностей. Голову казачки обычно повязывали платком или (чаще) косынкой. Осенью и зимой тот же наряд дополнялся стеганкой, чулками, теплым платком.

Сочетание советских (городских) и традиционных элементов в костюме донских казачек-колхозниц хорошо заметно на дошедших до нас photographиях 1930-х годов. На одной из них, датированной 1937 г., запечатлены молодые казачки из хутора Верхне-Ушаковского Вешенского р-на Азово-Черноморского края Вера Ушакова (учащаяся

Вешенского педучилища), Таня Благородова (студентка Новочеркасского техникума механизации сельского хозяйства), Паша Благородова (ученица Вешенской школы-десятилетки). Так как они жили и учились за пределами родного хутора, в крупной станице или городе, то были коротко пострижены или завиты и одеты в городские наряды. Вера была облачена в юбку и блузу с жабо на груди, Таня – в блузку и юбку, Паша – в платье и беретик. На некоторых колхозницах-комсомолках сельхозартели им. Ленина Тарасовского р-на Азово-Черноморского края, сфотографированных в том же году, были надеты блузки, а поверх коротких “городских” причесок – береты (хотя другие девушки из того же колхоза были одеты во вполне “сельские” кофточки и юбки). На целом ряде других фотографий 1937 г. запечатлены казачки из различных районов Дона (Матвеево-Курганского, Мигулинского, Новочеркасского, Тарасовского и др.), одетые вполне традиционно – в кофточки, юбки, платки или косынки. Относительным нововведением (и одновременно неким символом советского времени) в их костюме стали лишь стеганки, или “фуфайки” (Колхозница 1937а: 18; Колхозница 1937б: 14; Колхозница 1937в; Колхозница 1937г: 13, 17; Колхозница 1937д: 12, 15, 21).

Донской казачий костюм, сложившийся в 1930-х годах, существенно не менялся на протяжении как минимум следующих полутора – двух десятилетий. На фотографиях времен Великой Отечественной войны мы видим донцов в фуражках, гимнастерках и шароварах (*Кириченко* 2007), хотя, как отмечали некоторые авторы, казаки-добровольцы в это время “надели казачьи папахи, украшенные наискосок кумачевой лентой” (*Котельников* 1950: 36). В послевоенный период казаки-ветераны одевались так же, как их отцы или деды, – в гимнастерки или рубахи, синие шаровары с красными лампасами, заправленные в белые носки; обувью служили неизменные чирки или сапоги, а голову покрывали фуражками – парадными или полевого образца. Такими, например, изобразил ветеранов 5-го Донского гвардейского кавалерийского казачьего корпуса Е. Чарский в своей картине “Станичники”. Не претерпел существенных изменений и костюм казачек-колхозниц.

Таким образом, костюм “советских казаков” Дона не был копией сложившихся дореволюционных образцов. Он сочетал в себе традиционные элементы и ряд характерных советских новаций при явном преобладании первых. Это свидетельствовало о наличии устойчивого архетипа в казачьем костюме, который невозможно в одночасье изменить и не затронуть при этом генерализующие основания казачьей субкультуры. Тем более что в казачьем костюме наличествовал ряд характерных элементов, которые не только по-прежнему поражали эстетические взгляды современников, но и позволяли однозначно идентифицировать казачью общность как таковую. Небольшие советские включения никоим образом не изменяли общей конструктивной композиции казачьего костюма. Этим сочетанием “советский” казачий костюм в полной мере отражал специфику раннесоциалистической эпохи 1930-х годов, когда сталинский режим, целенаправленно декларируя построение “социалистического общества”, непременно сохранял и даже старательно укреплял целый ряд социально-экономических и общественно-политических компонентов предшествующих эпох (таких как крепостная зависимость крестьянства, подчиненность общества государству и пр.). Наряду с этим в утвержденной кавалерийской казачьей форме символически подчеркивалась приверженность казаков советской власти. Официальное возвращение кавалерийской формы казакам в ходе развертывания кампании “за советское казачество”, несомненно, укрепляло казачий дух, поддерживало более привычную историческую повседневность, усиливало казачью ментальность, стимулировало стремление казаков развивать воинские традиции. Однако, несмотря на социальную инверсию названной общегосударственной кампании, немалая часть казаков Дона уже явно утрачивала свои казачьи корни и даже сознательно отходила от привычных социальных стереотипов недавнего прошлого. Эти исторические тенденции отчетливо отражала и эволюция казачьего костюма в 1930-е годы, как и отказ от его повседневного использования частью казаков Дона.

Источники и литература

- Агафонов* 2002 – *Агафонов О.В.* Казачьи войска России во втором тысячелетии. Киров, 2002.
- Барчугов* 1962 – Восстановительный период на Дону (1921–1925 гг.): Сб. док. / Под ред. П.В. Барчугова. Ростов н/Д., 1962.
- Барчугов* 1973 – Очерки истории партийных организаций Дона. Ч. II. 1921–1971 / Под ред. П.В. Барчугова. Ростов н/Д., 1973.
- Водолацкий и др.* 2005 – *Водолацкий В.П., Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г.* Казачий Дон: очерки истории и культуры. Ростов н/Д., 2005.
- Волков* 1998 – Донские казаки в прошлом и настоящем / Под общ. ред. Ю.Г. Волкова. Ростов н/Д., 1998.
- Воскобойников, Прилепский* 1986 – *Воскобойников Г.Л., Прилепский Д.К.* Казачество и социализм: Исторические очерки. Ростов н/Д., 1986.
- Вышеград 1936 – Вышеград. Северодонцы вышли в Новочеркасск // Молот. 1936. 20 мая.
- ГАНИСК – Государственный архив новейшей истории Ставропольского края. Ф. 1. Оп. 1. Д. 71.
- ГАРО – Государственный архив Ростовской обл. Ф. р-1390. Оп. 7. Д. 462.
- Гладков, Курпьянов* 1936 – *Гладков М., Курпьянов Е.* Покупки кубанских казаков // Молот. 1936. 20 марта.
- Горюнов* 1925 – *Горюнов П.* О казачьем вопросе (Из наблюдений и опыта работы по Ейскому району Донского округа). Ростов н/Д., 1925.
- Данишевский* 1936 – *Данишевский М.* Вера Куркина // Молот. 1936. 5 марта.
- Казачество 1936 – Казачество под большевистским знаменем. Пятигорск, 1936.
- Казачий Дон 2007 – Казачий Дон. По произведениям М.А. Шолохова. 2-е изд., испр. и доп. Ростов н/Д., 2007.
- Кириченко* 2007 – Ростовской области – 70 лет (1937–2007 гг.). Сб. док. / Гл. ред. А.М. Кириченко. Ростов н/Д., 2007. Прилож. 11.
- Козлов* 1986 – Дон советский. Историко-экономический и социально-политический очерк / Под ред. А.И. Козлова. Ростов н/Д., 1986.
- Котельников* 1950 – *Котельников В.* Дон. Кубань. Терек. М., 1950.
- Кофанов* 1930 – *Кофанов П.* Земля в походе // Наши достижения (Москва). 1930. № 4.
- Коллективист 1931а – Коллективист (Москва). 1931. № 5.
- Коллективист 1931б – Коллективист. 1931. № 20.
- Колхозница 1937а – Колхозница (Ростов н/Д.). 1937. № 1.
- Колхозница 1937б – Колхозница. 1937. № 2.
- Колхозница 1937в – Колхозница. 1937. № 6.
- Колхозница 1937г – Колхозница. 1937. № 8–9.
- Колхозница 1937д – Колхозница. 1937. № 11.
- Колхозница 1937ж – Колхозница. 1937. № 12.
- Колхозный путь 1937 – Колхозный путь (Ростов н/Д.). 1937. № 1.
- Мошков и др.* 2002 – Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Док. и матер. В 5 т. 1927–1939. Т. 4: 1934–1936 / Отв. ред. Ю. Мошков. М., 2002.
- Немиров* 1987 – *Немиров Ю.А.* Встреча в Австрийских Альпах: Очерки, документальная повесть. Ростов н/Д., 1987.
- Новак, Фрадкина* 1985 – *Новак Л.А., Фрадкина Н.Г.* Как у нас-то было на тихом Дону: Историко-этнографический очерк. Ростов н/Д., 1985.
- Новая форма 1936 – Новая форма казачьих войск // Молот. 1936. 10 мая.
- Осколков* 1973 – *Осколков Е.Н.* Победа колхозного строя в зерновых районах Северного Кавказа. Ростов н/Д., 1973.
- Осокина* 1993 – *Осокина Е.А.* Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935 гг. М., 1993.
- Поташев Ф.И. и др.* 1970 – Ленинский путь донской станицы / Под ред. Ф.И. Поташева, С.А. Андропова. Ростов н/Д., 1970.
- Прием донских 1936 – Прием донских казаков-орденоносцев руководителями края // Молот. 1936. 4 марта.
- РГАЭ – Российский государственный архив экономики. Ф. 396. Оп. 3. Д. 580.
- Сидоров* 1994 – Крестная ноша. Трагедия казачества. Ч. I: Как научить собаку есть горчицу. 1924–1934 / Сост. в.С. Сидоров. Ростов н/Д., 1994.

- Скорик* 2008 – *Скорик А.П.* Многоликость казачества Юга России в 1930-е годы: Очерки истории. Ростов н/Д., 2008.
- Скорик и др.* 1995 – *Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. и др.* Казачий Дон: Очерки истории. Ч. I. Ростов н/Д., 1995.
- Собрание законов 1936 – Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. 1936. № 22.
- Софронов и др.* 1989 – Шолохов. Фотоальбом (2-е изд.) / Вступит. статья А.В. Софронова, сост. Э.С. Софронова. М., 1989.
- Цалюк* 1930 – *Цалюк Д.* Наши классовые задачи и работа среди трудового казачества // *Молот*. 1930. 27 апр.
- ЦДНИРО 1 – Центр документации новейшей истории Ростовской обл. Ф. 7. Оп. 1. Д. 945.
- ЦДНИРО 2 – Центр документации новейшей истории Ростовской обл. Ф. 8. Оп. 1. Д. 344.
- ЦДНИРО 3 – Центр документации новейшей истории Ростовской обл. Ф. 36. Оп. 1. Д. 52.
- ЦДНИРО 4 – Центр документации новейшей истории Ростовской обл. Ф. 76. Оп. 1. Д. 59.
- Шевченко* 1936 – *Шевченко Г.* Командир казачьего эскадрона // *Советские казаки: Очерки о бойцах, строителях социализма, верных сынах колхозного тихого Дона*. Сталинград, 1936. С. 64–84.
- Шершевский* 1936 – *Шершевский А.* Советское казачество // *Северо-Кавказский большевик*. 1936. 29 марта.
- Шубин* 1936 – *Шубин С.* Сыны советского Дона // *Советские казаки...* С. 105–117.

A.P. S k o r i k. The Dress of “Soviet Cossacks” in the Don of the 1930s

Keywords: Cossack dress, Don region, Russia, 1930s

Drawing on archival data, photographic documents, publications, and other materials, the author sheds light on the development of the Don Cossacks' dress in the complicated and contradictory period of the 1930s. The article provides a comparative analysis of the dress in the pre-Soviet and Soviet periods, as well as a detailed description of its features and elements. The author argues that there was an apparent tendency, in the period after the Civil War, toward eradicating the Cossack dress which was taken by the Bolsheviks as a symbol of political reaction.